

Проблемы

СЛУЧАЙ С АЛЬВАРЕСОМ

Рассказ учительницы истории из Твери Веры Ц.

Записала **М. ГАНЬКИНА**

Эта история произошла давно — лет 20 назад. В наше время тема учительского рукоприкладства, которая всегда была под запретом, вышла из подполья. Сейчас в стране возникла ситуация, когда учителя особенно остро чувствуют свою незащищённость. Понятно, что это только одна «сторона медали». Но проблема профессионального риска витает в воздухе, и все об этом говорят. Учителя боятся родителей, которые могут по судам затаскать. Боятся учеников, которые чувствуют свою безнаказанность...

Восьмой класс. Перемена. Все дети в коридоре. А в классе Лена осталась (что-то там делала) и Миша Альварес, сын депортированных после 36-го года испанцев, кудрявый, высокий, красивый мальчик. Но семья была, что называется, неблагополучная: папаша выпивал.

И я в классе стою, диапроектор налаживаю. И тут Лене что-то понадобилось, она сама не справлялась и попросила Альвареса помочь. А он взял и послал её матом. Прямо при мне. В такой ситуации я могла бы сдержаться, но у девчонки только-только отец умер...

Тут мне «моча в голову ударила»... Я, не помня себя, схватила его. А он здоровый — метр восемьдесят... Я его левой рукой схватила вот за это место на затылке, в коридор вытолкала и со всей силой по заднице поддала, да так, что он споткнулся... У меня аж рука одеревенела.

Он скорчился, голову руками закрыл... Тишина в коридоре мёртвая. И посреди этой тишины — одинокий такой голос Вадика: «Вера Валентиновна Альвареса убила...»

В деревне нет мужчин от старческого возраста до пятилетних детей, которые бы не говорили в адрес женщины такие слова. Я больше чем уверена, что дети не поняли, на что это я так резко отреагировала. Но, судя по их лицам, они были удивлены моей смелостью. С одной стороны, они понимали, конечно, что раз я жена директора школы, то у меня больше прав. Но с другой стороны, они знали, что за «фрукт» отец Миши Альвареса. Он на уровне ООН писал кляузы, с ним боялись связываться.

Потом, разумеется, отец его стал ходить по всем инстанциям, требовать са-тисфакции. А муж мой был депутатом, как любой директор советской школы. И он не мог на заседании сельсовета не поставить вопрос о том, чтобы учи-

129

Сведения
об авторах
[143 - 144]

тельницу (меня то есть) за рукоприкладство наказали. Как депутат и директор в одном лице, он должен был отреагировать обязательно.

Он принёс письменное заявление, что он, как директор школы, считает этот поступок несовместимым с деятельностью учителя и что Вера Валентиновна будет уволена. Тут встали все остальные родители, которые тоже были депутатами, и меня защитили. Они сказали, что знают, какой Альварес мерзавец, припомнили, какие гадости он делал и как над детьми издевался. В общем, с трудом, но меня отстояли.

Но осадок у меня остался жуткий. Я понимала, что у нас с Альваресом разные весовые категории. С одной стороны, я пресекла хамство. Но мера пресечения всё же, скорее, говорила о моей слабости. Я поступила крайне непрофессионально: на силу ответила силой, то есть адекватно той бандитской идеологии, которая процветала в селе, да и вообще в стране. Я даже думаю, что в глубине души мой поступок все в нашем селе одобрили. И от этого мне было ещё гаже...

Я ожидала, что Миша не будет ходить на уроки, какие-то пакости делать начнёт. Но он и на уроки ходил, и никаких акций протеста не устраивал.

Эпилог. Но больше всего меня потрясло то, что случилось через несколько лет, когда Миша окончил школу, да и я в школе уже не работала, и мы уже давно друг от друга не зависели...

Иду я как-то одна по тропинке через пустырь. И вижу, что навстречу идёт Миша Альварес. А вокруг — ни души... Я знала, что он где-то учился, в ПТУ или ещё где-то...

Я иду и настраиваю себя, что мы сейчас молча разминёмся. Нет, я не боялась. Я просто ожидала, что вот сейчас будет несколько неприятно пройти мимо Альвареса. Я была уверена, что мы пройдем, как бы не видя друг друга. Ведь даже прекрасные ученики часто не здороваются: окончил школу, и всё — он независим, учителей не замечает. Это в деревне как-то принято. Бывает, учителя даже жалуются: вот я-то ему и то, и сё, а он, мерзавец, прошёл и не здоровается...

Так вот, мы равняемся. И вдруг: «Здравствуйте, Вера Валентиновна!» — и так как-то поклонился заискивающе...

Мне стало холодно. Я думаю: ну вот, может, он и без меня был бы раб, но я этому точно поспособствовала. Разве нормальный человек здоровался бы, если бы его так обидели? Ни в жизнь!.. Всё — воспитала раба...

Мне до сих пор не по себе...

[113 – 116]
Сценарии
и алгоритмы

130

Три ответные реплики

1. Почему Вера Валентиновна так уж себя клеймит? Потому что не на шутку травмирована. Она рискнула прыгнуть выше головы. А риск есть риск. Вот малость сухожилия-то и растянула. До сих пор побаливает. Думается, что и у Макаренко в случае с Задоровым на душе кошки скребли.

И именно тот факт, что *до сих пор побаливает*, свидетельство того, что этот случай — исключительный в её опыте, а вовсе не повседневная практика.

2. Так уж прямо и «воспитала раба»? Вряд ли можно одним махом что-то воспитать, даже — раба. Пожалуй, не стоит на себя взваливать такой груз.

3. И вообще, почему бы не поверить в искренность Миши Альвареса? Может быть, он на самом деле на всю жизнь зауважал свою учительницу за отвагу? Ведь ему чего только ни привелось услышать с кухни от своих родителей, в то время как отец ходил по инстанциям! Да и односельчане были явно за Веру Валентиновну горой.

В. Букатов, М. Ганькина

«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА»

Журнал для специалистов в области педагогических измерений. В каждом выпуске раскрываются различные аспекты истории, теории, технологии и практики тестирования. Шесть номеров в год.

ИНДЕКС – 81152

131

Сведения
об авторах
[143 – 144]

